

Римский Владимир Львович
Московский психолого-социальный университет,
Москва, Российская Федерация
rim@indem.ru

Миры справедливости и режимы вовлечённости в её обоснования в России³¹⁶

Аннотация. В статье представлены основные результаты исследования принципов и критериев справедливости, используемых российскими гражданами в своих социальных практиках. Методология исследования, проведённого во второй половине 2019 года, была основана на теории миров справедливости Болтански и Тевено, а также концепции режимов вовлечённости в обоснования справедливости Тевено. Исследование показало существенную приверженность российских граждан и чиновников принципам и критериям справедливости патриархального мира, а также их существенные проблемы в освоении таких принципов и критериев миров гражданского, рыночного, науки и техники. Следствиями являются уверенность большинства граждан в несправедливости их жизни и проблемы модернизации страны.
Ключевые слова: справедливость; несправедливость; критерии справедливости и несправедливости; миры справедливости; режимы вовлечённости в обоснования справедливости

Rimskiy Vladimir Lvovich
Moscow Psychological and Social University,
Moscow, Russian Federation
rim@indem.ru

Worlds of fairness and regimes of engagement in its justifications in Russian Federation³¹⁷

Abstract. The paper presents the main results of research on the principles and criteria of fairness used by Russian citizens in their social practices. The methodology of this research, conducted in the second half of 2019, was based on the theory of the fairness worlds of Boltanski and Thévenot, as well as the concept of regimes of engagement in the justification of fairness of Thévenot. The research showed a significant commitment of Russian citizens and officials to the principles and criteria of fairness of the Patriarchal world, as well as their significant problems in mastering such principles and criteria of the worlds of civil, market, science and technology. The consequences are the confidence of the majority of citizens in the unfairness of their lives and the problems of modernization the country.

Keywords: fairness; unfairness; criteria of fairness and unfairness; worlds of fairness; fairness justification regimes

³¹⁶ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) и АНО «Экспертный институт социальных исследований» (ЭИСИ) в рамках научного проекта № 19–011–31443 «Общественный запрос на справедливость и её обеспечение со стороны государства».

³¹⁷ The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) and the Autonomous Non-Profit Organization “Expert Institute for Social Research” (EISR) within the framework of scientific project No. 19–011–31443 “Public request for fairness and its provision by the state”.

Об исследовании

Как известно, справедливость является одной из универсальных идей, известной человечеству с глубокой древности и встречающейся во всех культурах. Проблемы справедливости и несправедливости постоянно возникают и столь же постоянно решаются в самых разных сферах человеческой деятельности. При этом в общественном сознании справедливость является как оценочно-рациональной, так и эмоциональной категорией, представляет собой и базовую терминальную, и, одновременно, инструментальную ценность.

Несмотря на широкое использование категории справедливости в общественном дискурсе в современной России, а также довольно обширную научную и публицистическую литературу по этой тематике, применение категории справедливости в реальных социальных практиках граждан изучено недостаточно.

Социологическое исследование справедливости в России 2019 года было направлено на выявление и описание принципов и критериев справедливости и несправедливости, которые российские граждане используют в разных типах жизненных ситуаций, во взаимодействиях с социально близкими им индивидами, с незнакомыми гражданами и с должностными лицами органов власти и других организаций. Такая направленность исследования определила его поисковый и прагматический характер, близкий к тому, как последний понимают Болтански и Тевено [Болтански, Тевено, 2013: 29]. По этим же причинам методология проведённого исследования была основана на теории справедливости Болтански и Тевено [Болтански, Тевено, 2013], а также на концепции режимов вовлечённости в обоснования или оправдания справедливости, разработанной Тевено [Тевено, 2006; Thévenot, 2006].

В соответствии с методологией и направленностью исследования в нём проверялись некоторые гипотезы, не вполне точно сформулированные до его начала и не проверявшиеся ранее в аналогичных эмпирических исследованиях. Важнейшими такими гипотезами были две: о том, что принципы и критерии справедливости существенно определяются мирами справедливости и режимами вовлечённости в обоснования справедливости в разных жизненных ситуациях, а также о том, что обеспечения справедливости российские граждане ожидают от государства, а не от самих себя или каких-либо других субъектов.

Для формулирования и проверки этих гипотез в проведённом исследовании были разработаны и применены новые методики выявления и оценивания принципов и критериев справедливости и несправедливости в социальных практиках через анализ «случаев» и «сценариев» жизненных ситуаций. В качестве методов в проведённом исследовании использовались: настольный социологический анализ ранее проведённых исследований, телефонный опрос (поисковый, а не репрезентативный, включавший по этой причине открытые вопросы о ситуациях справедливости и несправедливости для респондентов), фокус-группы и полуструктурированные личные

интервью с гражданами. Полевые работы в этом исследовании проводились в сентябре-ноябре 2019 года.

Понимания и смыслы справедливости

В исследовании уточнялись понимания и смыслы справедливости, которые понятны российским гражданам, близки им, используются ими для оценивания своих и чужих социальных практик. Такие понимания и смыслы справедливости были выявлены по совокупности ответов респондентов на открытые вопросы телефонного опроса, обсуждений на фокус-группах и суждений граждан из их полужформализованных личных интервью (всех их далее будем называть участниками исследования) и объединены в следующие группы:

Справедливость – это соразмерность должного и сущего, соразмерность признанных значимыми норм и реальных практик социального поведения.

Справедливость – это соблюдение законности и одинаковое для всех правосудие. На этих основах в обществе и государстве должен поддерживаться порядок, который тоже связывался со справедливостью. При этом на фокус-группах и в личных интервью высказывались сомнения в справедливости российских законов.

Справедливость – это стабильность и комфортность жизни в обществе и государстве, которая связывалась с обеспечением порядка и с достаточно комфортной жизнью для себя и окружающих. Как сформулировала одна из участниц фокус-групп: «Когда человек всем доволен и ему спокойно».

Справедливость – это соблюдение прав человека и гражданина.

Справедливость – это равноправие, равенство в правах и обязанностях. При этом равенство граждан всегда условно, а равенство в правах и обязанностях должно быть безусловным, распространяться на всех.

Справедливость – это правильность, это то, что верно, это общая истина у людей. Такая справедливость достигается при наличии взаимного уважения между людьми, и когда им на основе общих пониманий правды в жизни удаётся находить консенсусы в реализации своих интересов без ущемлений прав и свобод друг друга.

Справедливость – это единое видение ситуаций и проблем при разных позициях сторон. Это понимание справедливости близко к предыдущему, но отличается от него отсутствием требований обеспечивать правду и истину. Консенсусы о справедливости при таком понимании должны осуществляться при согласованиях отдельных элементов позиций сторон, они не обязательно должны признавать общую истину.

Справедливость – это честность. На основе честности можно договариваться о справедливости.

Справедливость – это соблюдение норм морали и нравственности. С этими нормами связывалась совесть, искренность, отсутствие обид, порядочность. Такое понимание справедливости близко к предыдущему, поскольку честность можно

считать нормой морали. Но в суждениях на фокус-группах и в личных интервью эти понимания справедливости разделялись – честность выделялась как отдельная человеческая добродетель.

Справедливость в поступках – не делайте другим то, что вы не желаете для себя, и поступайте с другими так, как хотели бы, чтобы поступали с вами. Такое понимание справедливости близко к двум предыдущим. Оно выделено как пример древнего морального правила поведения, которое не было самостоятельным суждением, а транслировалось участниками исследования в силу его интегрированности в культуру, освоенную ими в процессе социализации.

Эти понимания и смыслы справедливости высказывались участниками исследования в ответах на вопросы о том, как они понимают справедливость («Как бы Вы описали своими словами, что такое «справедливость»?») без связей с теми или иными жизненными ситуациями и без предложений им вариантов возможных ответов. Суждения участников исследования о том, как они понимают справедливость, были весьма разнообразны, выше приведены основные типы высказанных ими пониманий и смыслов справедливости.

Методики проведения исследования включали также предложения его участникам оценить справедливость и несправедливость в тех или иных жизненных ситуациях. Анализ собранных в исследовании данных показал некоторую оторванность ответов его участников на вопросы о том, как они понимают справедливость безотносительно к таким ситуациям, от тех, которые респонденты опроса, участники фокус-групп и личных интервью применяли в тех или иных конкретных или условных, модельных жизненных ситуациях. Такие ситуации участники исследования, как правило, оценивали без обращения к общим пониманиям и смыслам справедливости, которые сами же высказывали. При обсуждениях разных жизненных ситуаций они определяли что справедливо, а что несправедливо скорее интуитивно, не всегда были способны пояснить основания таких своих оценок, и никогда не вспоминали свои же общие понимания и смыслы справедливости применительно к жизненным ситуациям. Это в частности, свидетельствует о невысоком уровне рационализации пониманий и смыслов справедливости у российских граждан, а также о существенных сложностях для них в применении декларируемых ими пониманий и смыслов справедливости в качестве критериев оценивания реальных жизненных ситуаций.

Представляется весьма вероятным, что формулировки общих пониманий и смыслов справедливости российские граждане заимствуют из дискурсов публичной сферы, в первую очередь, СМИ и социальных сетей Интернета. Но в оценивании справедливости и несправедливости в тех или иных жизненных ситуациях применяют иные принципы и критерии справедливости, освоенные ими в процессах социализации в семьях и в других социально близких им группах граждан.

Миры справедливости российских граждан

Болтански и Тевено исходили из того, что миры справедливости определяются социальными практиками индивидов по обоснованиям или как они писали, оправданиям, справедливости в различных типах ситуаций. Но каждый из этих миров определяется и используемыми в них индивидами вещами и обстоятельствами этих жизненных ситуаций. При этом в каждой конкретной жизненной ситуации индивиды не обязаны ограничиваться, и не ограничиваются в своих социальных практиках каким-то одним миром справедливости. В ситуациях конфликтов или недопонимания друг друга индивиды нередко одновременно используют аргументы из разных миров справедливости. Поэтому миры справедливости формируются не столько теоретическими построениями исследователей – социальных философов, социологов, политологов – сколько закономерностями признания индивидами значимости тех или иных вещей и обстоятельств для их оценивания того, что является справедливым или несправедливым в тех или иных ситуациях или социальных конфликтах. Но само распределение принципов и критериев справедливости по разным мирам, само разнообразие миров справедливости создаёт сложности для достижений согласия между индивидами в различных ситуациях [Болтански, Тевено, 2013: 79].

Индивиды, тем не менее, нередко пытаются находить справедливые решения в таких ситуациях и конфликтах на основе тех или иных рациональных аргументов. И тогда им приходится учитывать различные реалии этих ситуаций и конфликтов, включая особенности позиционирования субъектов этих ситуаций и конфликтов друг другу, те или иные способы использования ими для этих целей материальных объектов, а также различия пониманий ими принципов и критериев справедливости. Для обоснования справедливости в таких ситуациях и конфликтах в соответствии с концепцией Болтански и Тевено индивиды стремятся обычно апеллировать к своим системам ценностей и аргументов в поддержку собственных интересов и притязаний. Они стараются показать, что ситуация или конфликт должна осмысляться в рамках их системы ценностей и аргументов, их мира справедливости [Копосов, 2013: 10].

Для достижения согласия участники публичных дискуссий о справедливости могут ориентироваться на значимые для всех общественные блага. Болтански и Тевено считали, что эти блага должны быть значимы для всего человечества. В проведённом исследовании его участники в дискуссиях о справедливости на фокус-группах и в личных интервью больше ориентировались на блага, значимые для широких социальных групп или всего российского общества. Поиски таких общественных благ не являются абсолютно необходимым условием для достижений согласий по справедливости в тех или иных жизненных ситуациях или конфликтах. Но достижение согласия в них становится более вероятным, если такие блага находить удаётся.

Для достижения результатов в дискуссиях о справедливости должна обеспечиваться «возможность каждого обращаться к разным принципам справедливости для обоснования своей позиции» и одновременно должен действовать

«запрет на постоянное закрепление значимых качеств за конкретными лицами и объектами» [Ковенева, 2008: 15]. Эти принципы ведения дискуссий о справедливости в тех или иных ситуациях необходимо соблюдать для того, чтобы в них можно было обосновывать и, с другой стороны, оспаривать любые принципы и критерии справедливости, а также свойства и качества людей и объектов. А вести такие дискуссии необходимо, чтобы «добиться слаженности ситуации, которая предстает как справедливая и благоприятная, обеспечивающая удобство жизни людей и вещей» [Наумова, 2014: 248].

В целом в проведённом исследовании участники фокус-групп и полуструктурированных личных интервью выражали согласие именно с такими принципами и целями ведения публичных дискуссий о справедливости и несправедливости в конкретных модельных ситуациях и в ситуациях, которые они сами предлагали для обсуждений. Примерно такие же принципы и цели публичных дискуссий они использовали при обсуждениях справедливости в обществе и государстве в целом. Так обсуждения на всех фокус-группах исходили из поиска общественного блага, в первую очередь, для участников обсуждаемых конфликтов и проблемных ситуаций. И всегда признавалось за каждым участником конфликтов или проблемных ситуаций право использовать свои собственные, разные критерии и принципы справедливости для её обоснования, для оправдания своих или чужих действий. Участники дискуссий о справедливости и несправедливости на фокус-группах всегда старались приходиться к согласиям сторон конфликтов или проблемных ситуаций, правда, это нередко им не удавалось. На фокус-группах фактически не получались дискуссии о справедливости по различным жизненным ситуациям, ни по модельным, предложенным исследователями, ни по более или менее реальным, предложенным самими их участниками. Участники фокус-групп проведённого исследования почти всегда просто высказывали свои мнения, они не умели и не желали такие дискуссии вести, хотя и высказывали желания достижений согласий на них, их успешного осуществления. Главной проблемой обсуждений справедливости на фокус-группах было неумение их участников выслушивать и понимать чужие аргументы, принципы и критерии справедливости.

Как известно, Люк Болтански и Лоран Тевено описали 6 миров справедливости, не предопределяя того, что их может быть и больше, и они могут определяться иными критериями. Кратко миры Люка Болтански и Лорана Тевено с некоторой адаптацией к российским реалиям и концептуализацией для эмпирического исследования могут быть охарактеризованы так [Болтански, Тевено, 2013: 252–328; Ковенева, 2008: 11- 14; Наумова, 2014: 248]:

Мир вдохновения, в котором справедливость определяется безоговорочным и добровольным принятием индивидом божественной благодати. По этой причине в таком мире для индивидов мало значимы оценки других, а весьма значимы собственные: эмоциональность, стихийность, необычность, вдохновение и творчество.

Важным критерием справедливости в этом мире является служение другим и общему благу с помощью реализации своего вдохновения и даже гениальности.

Мир патриархальный, в котором позиции индивидов по справедливости объединяют социальные иерархии и традиции, привязанности к близкому социальному окружению, личные отношения и взаимодоверие к входящим в близкое социальное окружение, а также следование тем или иным авторитетам. Важными критериями справедливости в этом мире являются положение в иерархии и заслуги индивида перед ней, а также личные добродетели индивида. Напротив, малозначимыми критериями справедливости являются в этом мире универсальные нормы законов и объективные правила поведения, не зависящие от социальных статусов индивидов. В этом мире принято также в оценках справедливости ориентироваться на образцовое поведение уважаемых индивидов, вышестоящих по социальной иерархии.

Мир репутаций, в котором позиции индивидов по справедливости определяются общественным мнением, мнениями других, являющимися референтными для тех или иных индивидов, мнениями известных личностей, пользующихся в обществе признанием и почётом. В отличие от патриархального мира уважаемые и знаменитые индивиды в мире репутаций могут быть забыты и заменены другими в течение коротких периодов времени. Важным критерием справедливости в мире репутаций является поддержка общественного мнения, большинства общества, а также мода на те или иные мнения и оценки.

Гражданский мир определяет позиции индивидов по справедливости их способностями и возможностями выразить общую волю тех или иных социальных групп или даже большинства общества. В этом мире граждане отказываются от реализации своих частных интересов и направляют свою активность на достижение общего блага. Тогда гражданам удаётся достигать согласия в своих волеизъявлениях. Поэтому в гражданском мире важны проявления солидарности и выражение общих интересов, а также отстаивание прав и свобод граждан. В гражданском мире ценностью является принадлежность индивида к той или иной организации или к тому или иному сообществу, а важным критерием справедливости – представление в её оценках позиций и тех или иных благ своих организаций или сообществ. В этом мире очень ценятся законность, права и свободы граждан, а также общественные блага, на которых поэтому и должны основываться принципы и критерии справедливости.

Рыночный мир таков, что в нём индивиды мотивируются своими желаниями получения в собственность или в пользование редких, а не общественных благ. Это причина того, что в этом мире согласие о справедливости должно достигаться с условием признания значимости конкурентных отношений и успехов в рыночных отношениях. Ценности объектов в этом мире определяются ценами, по которым их можно продать и купить. Но и ценности индивидов в рыночном мире также определяются их богатством – своеобразными ценами индивидов, т.е. объёмами денег и ценных товаров, которыми они владеют или распоряжаются. Успех индивида в

рыночном мире определяется его богатством, полученным легальными способами и признаваемым другими, обществом в целом. Легальность рыночного социального порядка определяется признаваемыми в обществе ограничениями индивидуальных желаний, необходимостью соблюдения определённых правил социального поведения на рынках. Признание таких ограничений и правил создают возможности достижений согласий по справедливости в рыночном мире. Способствует достижению согласий по справедливости в этом мире и своеобразное уравнивание индивидов в правах, поскольку не учитываются никакие их социальные или иные качества, кроме качеств покупателей и продавцов, а цены товаров становятся разумными и оправданными, благодаря рыночной конкуренции и соблюдению правил поведения на рынках.

Индустриальный мир или мир науки и техники – это мир искусственных, технических объектов и применения научных методов в человеческой деятельности. Критерии справедливости в этом мире определяются производительностью и эффективностью человеческой деятельности, прежде всего в сфере производства, но и в других сферах жизни тоже. В этом мире важны полезность, результативность и эффективность деятельности, которые оцениваются как общее благо и как основания социального порядка в этом мире. В мире науки и техники ценятся инновации, приводящие к разрывам с традицией ради повышения эффективности и производительности той или иной деятельности. В этом мире ценятся также возможности развития из настоящего в будущее на основе правильного функционирования индивидов и технических объектов с осуществлением научно обоснованного и реалистичного прогнозирования. Поддержка человеческого потенциала и квалификации профессионалов, используемых для обеспечения этих ценностей, признаётся справедливой в этом мире. Справедливыми в этом мире также считаются действия по обеспечению прогресса науки, техники и общества в будущем.

Участники проведённого исследования использовали некоторые критерии этих миров справедливости Болтански и Тевено, естественно, в собственных формулировках и с адаптацией к российским условиям. При этом на фокус-группах и в полуформализованных личных интервью для обоснований справедливости в одних и тех же ситуациях участниками исследования нередко совместно использовались критерии разных миров, что также соответствует концепции справедливости Болтански и Тевено.

Критерии мира вдохновения упоминались участниками исследования, в основном, в связи с религиозными обоснованиями справедливости. Но никто такие критерии не конкретизировал, скорее всего, участники исследования имели мало надежд на достижение согласия о справедливости именно на религиозных основаниях. Больше надежд они возлагали на вдохновенность и высокие моральные качества тех, кто предлагает справедливые решения проблем.

Критерии патриархального мира довольно активно использовались участниками исследования для обоснования своих позиций по справедливости – это обращение к

традициям, указания на привязанности к близкому социальному окружению, на личные отношения и взаимодоверие к входящим в близкое социальное окружение. К критерию справедливости именно патриархального мира следует отнести вознаграждение индивида за заслуги перед государством, который участники исследования применяли для оценивания социального поведения в разных ситуациях. Несколько реже они применяли в качестве критериев справедливости соблюдение общепринятых норм морали и нравственности, а также традиций. Важным критерием справедливости, также относящимся к патриархальному миру, многие участники исследования считали честность.

Критерии справедливости мира репутаций также использовались участниками исследования в оценивании социального поведения в разных жизненных ситуациях. Но, в отличие от концепции Болтански и Тевено, никто из участников нашего российского исследования не проявлял желания ориентироваться на мнения тех или иных известных личностей, на принципы и критерии справедливости, изложенные в тех или иных литературных произведениях, что могло быть характерно и для патриархального мира. При этом участники исследования нередко доверяли общественному мнению, выраженному через СМИ или Интернет теми, кого они знали не очень хорошо или вообще не знали.

Участники проведённого исследования упоминали также важные критерии справедливости, относящиеся к гражданскому миру – необходимость выражать общую волю тех или иных социальных групп или даже большинства общества, отстаивания прав и свобод граждан, а также проявлять социальную солидарность. Но социальную солидарность в качестве критерия справедливости участники исследования использовали редко и без формулирования её сути. По-видимому, это происходило вследствие низкого уровня социальной солидарности в российском обществе.

Рыночный мир пока не очень хорошо освоен участниками проведённого исследования, поэтому они упоминали принципы и критерии справедливости этого мира, но чаще всего с ними не очень соглашались. Например, ими почти никогда не учитывались цены реализации предлагавшихся в дискуссиях справедливых, по их мнениям, решений проблем. Для себя и близких им социальных групп участники исследования соглашались и апеллировали к рыночным критериям справедливости, в первую очередь, в оценках несправедливости низкой, по их мнению, оплаты за наёмный труд. И почти во всех обсуждениях такого рода ситуаций участники исследования сходились во мнениях о том, что справедливую оплату труда должно обеспечивать государство, на работодателей они в этом не надеялись. Фактически, в таких обсуждениях участники исследования демонстрировали более высокую значимость для себя критериев справедливости патриархального мира в сравнении с рыночным.

Лишь в некоторых случаях участникам исследования были близки и понятны в качестве критериев справедливости эффективность деятельности и её способствование прогрессу, относящиеся к миру науки и техники. Например, участники одной из фокус-групп согласились со справедливостью использования жителями многоквартирных домов эффективных социальных технологий потребкооперации для предоставления себе коммунальных услуг, о чём один из них рассказал, как об известном ему опыте. В оценках ситуации этого случая участниками исследования применялись, конечно, и критерии справедливости из гражданского мира, в первую очередь, обеспечение социальной солидарности и прав граждан.

Дискуссии на фокус-группах проведённого исследования моделировали публичные обсуждения справедливости в различных жизненных ситуациях. Но нередко участники этих фокус-групп уходили от обсуждений именно аспектов справедливости и несправедливости в них. Они сосредотачивались на обсуждениях тех или иных содержательных проблем и решений таких ситуаций и конфликтов. Поэтому в реальных социальных практиках российские граждане вряд ли оказываются способными понятно для других излагать свои принципы и критерии справедливости, а также самим понимать принципы и критерии справедливости своих оппонентов.

В исследовании было подтверждено, что российские граждане крайне редко участвуют в обсуждениях именно справедливости решений различных конфликтов и ситуаций. Если они и участвуют в обсуждениях различных общественно значимых ситуаций и конфликтов, то не помнят о том, что в таких обсуждениях поднимались вопросы справедливости и несправедливости. И это усиливает у российских граждан ощущение несправедливости социального мира, потому что предлагаемые им решения общественно значимых ситуаций и конфликтов либо вообще с ними не обсуждаются, либо обсуждаются без оценивания аспектов справедливости в них. А без такого оценивания вряд ли можно надеяться на то, что граждане будут воспринимать предлагаемые им решения как справедливые.

Умения российских граждан дифференцировать миры справедливости по их сущностям и критериям справедливости должны формироваться в постоянных социальных практиках. И такими практиками могли бы стать публичные обсуждения аспектов справедливости и несправедливости различных общественно значимых ситуаций и конфликтов. Но как выше было показано, таких обсуждений в нашей стране фактически не проводится, и потому у российских граждан слабо развиты умения вести дискуссии о справедливости с различением её принципов и критериев в разных мирах.

С другой стороны, следует согласиться с Болтански и Тевено в том, что именно множественность общих принципов и критериев справедливости во множественных её мирах «характеризует сложно структурированное общество» [Болтански, Тевено, 2013: 79]. Проведённое исследование показало, что пока по этой характеристике российское общество не может быть оценено как сложно структурированное.

Режимы вовлечённости в обоснования справедливости

Как известно, французская политическая традиция включает проведение публичных политических дебатов с представлениями их сторонами рациональных аргументов в поддержку своих позиций. Поэтому для Болтански и Тевено было вполне естественным представить в своей концепции справедливости именно такого рода её публичные обоснования [Копосов, 2013: 11]. Но в реальных социальных практиках индивиды могут представлять свои позиции и осуществлять свои обоснования справедливости и в иных режимах, не только в публичном, но и в менее обобществлённых. Чтобы учесть такое разнообразие ситуаций и способов обоснований справедливости Тевено разработал свою теоретическую концепцию режимов вовлечённости [Тевено, 2006; Thévenot, 2006].

Каждый режим вовлечённости в обоснования или оправдания справедливости по Тевено предполагает те или иные типы социальных действий в реальном мире, направленные на те или иные формы благ более или менее высокой степени обобществления. Эти типы социальных действий и их направленности вместе с субъективными смыслами и ценностями индивидов определяют их оценочные суждения о справедливости или несправедливости в соответствующих ситуациях и конфликтах. При этом Тевено предложил различать только три режима вовлечённости: близости, планового или рационального действия и публичности. Режим близости соответствует наиболее личностному вовлечению в обоснования справедливости, этот режим используется во взаимодействиях с самыми близкими для индивида людьми. Режим планового или рационального действия соответствует вполне рациональным обоснованиям справедливости индивидами в их индивидуальных действиях. Режим публичности соответствует самому высокому уровню обобщений обоснований справедливости и осуществляется не только индивидуальными, но и коллективными действиями в публичном общественном пространстве [Ковенева, 2008: 16].

В проведённом исследовании проверялось, насколько эта теоретическая концепция Тевено применима к российским условиям. По результатам операционализации режимов вовлечённости в обоснования справедливости по двум признакам – уровням публичности и типам аргументов обоснований справедливости – в конкретных методиках исследования были приняты и использовались следующие понимания таких режимов.

Режим близости достигается в совместной жизни индивидов, в их постоянных взаимодействиях с членами своих семей, с ближайшими родственниками и самыми близкими знакомыми. В силу такой социальной близости индивидам в этом режиме вообще не требуется обосновывать справедливость: что справедливо, а что несправедливо нужно просто чувствовать без объяснений. Соответственно, в этом режиме близости не предполагается никакой публичности обоснований справедливости, такая публичность в этом режиме чаще всего даже нежелательна. В

режиме планового или рационального действия уровень публичности невысок, этот режим используется для обоснований справедливости незнакомым индивидам и должностным лицам, а также знакомым индивидам, с которыми действия в режиме близости невозможны. В режиме планового или рационального действия аргументация обоснований справедливости почти всегда рациональна, в ней используются апелляции к нормам законов, инструкций, морали и нравственности, поддержания социального порядка, а также к совести и общим интересам. Режим публичности в соответствии со своим названием применяется при публичных обоснованиях справедливости одновременно многим, чаще всего, незнакомым индивидам. В этом режиме уровень публичности наивысший. Аргументация в режиме публичности почти всегда апеллирует к общему благу, универсальным ценностям, реже к функциональности и эффективности предлагаемых принципов и критериев справедливости [Римский, 2020].

В проведённом исследовании социальные действия его участников квалифицировались как относящиеся к тому или иному режиму вовлечённости по косвенным признакам их суждений и оценок ими справедливости и несправедливости в тех или иных ситуациях. Прямые вопросы к участникам исследования о типах используемых ими режимов вовлечённости были невозможны в силу практического отсутствия этого понятия в российском дискурсе [Римский, 2020].

На фокус-группах и в личных интервью с гражданами проведённого исследования были получены подтверждения дифференциации их социальных практик по режимам вовлечённости в обоснования справедливости и несправедливости. Так режим близости участники исследования, не называя его, нередко применяли в ситуациях семейных отношений, в которых чаще всего вообще не возникала необходимость таких обоснований и даже самих вопросов о справедливости или несправедливости. И хотя многие из них утверждали, что в семьях все вопросы необходимо обсуждать, но – не справедливость. По их мнениям справедливость обсуждать не нужно, ведь что справедливо, а что несправедливо в семье близким людям должно быть понятно и без обсуждений. Более того, при обсуждениях ситуаций возможных разводов супругов участники фокус-групп приходили к согласиям в том, что обсуждения справедливости оценок друг друга могут сделать принятие ими решений о разводах необратимыми в силу углубления возникших конфликтов.

Переход из режима близости в режим планового или рационального действия участниками исследования оценивался почти всегда как необходимость, когда на уровне взаимопонимания с другими невозможно справедливо разрешить те или иные ситуации или конфликты. Тогда в полном соответствии с концепцией Тевено индивидам приходится приводить друг другу рациональные аргументы описанных выше типов о том, что и по каким причинам будет или было бы справедливо.

Выход в режим публичности в соответствии с концепцией Тевено и исследованиями Б. С. Гладарева [Гладарев, 2012: 31–32] осуществляется, когда применение режима планового или рационального действия не приносит результатов или невозможно. Происходит это нередко вследствие того, что рациональные аргументы одной стороны ситуации или конфликта не воспринимаются или неправильно интерпретируются другой стороной. И режим планового или рационального действия вообще невозможно применять, когда сторон ситуаций или конфликтов много, и когда у них различные, иногда просто противоположные рациональные аргументы о справедливости. Помочь индивидам её обеспечить в такого рода ситуациях и конфликтах в соответствии с концепцией Тевено может переход в режим публичных обоснований справедливости. Для этого они должны будут апеллировать к общему благу сторон этих ситуаций и конфликтов, к универсальным ценностям, привлечь в поддержку своих позиций по справедливости незнакомых им индивидов, те или иные организации, универсальные социальные институты.

В современных российских условиях индивиды и различные организации почти никогда так режим публичных обоснований справедливости не используют. Причина в том, что публичных дискуссий о справедливости в тех или иных ситуациях и конфликтах в постсоветский период практически не проводилось и не проводится. А не проводятся они во многом потому, что российским гражданам сложно находить общие блага и универсальные ценности для представителей чужих для них социальных групп. Это один из результатов проведённого исследования.

Для обеспечения справедливости в нашем обществе и государстве было бы желательно повышение уровня вовлечённости российских граждан в осознание и коллективные действия по достижению справедливых решений общественно значимых проблем. Но в сложившейся в настоящий период социальной реальности публичные обсуждения справедливости возможны скорее для специалистов, экспертов, профессионалов в разных сферах деятельности, чем для граждан. Но практика показывает, что российские специалисты, эксперты и профессионалы стремятся обсуждать общественно значимые проблемы непублично, а в редких публичных обсуждениях не склонны принимать во внимание позиции граждан-непрофессионалов. Дело в том, что в условиях современной России профессионалы мало доверяют непрофессионалам, не признают ценности непрофессиональных суждений, основанных на общем благе и универсальных ценностях. А ведь как было показано выше, в режиме публичности именно такие аргументы могли бы помогать в поисках справедливых решений проблем и разрешений социальных конфликтов. Такие позиции специалистов, экспертов и профессионалов в разных сферах деятельности существенно способствуют крайне редкому использованию в современной России режима публичности для обоснований справедливости.

Ожидания справедливости от государства

В предшествующем исследовании справедливости в России, проведённом в 2013–2015 годах Фондом ИНДЕМ с участием автора, было установлено ожидание большинством граждан обеспечения справедливости почти исключительно от государства, потому что они не ожидали справедливости от общественности и от других субъектов. Но то же большинство граждан оценивало государство как несправедливое, а потому было уверено в доминировании несправедливости в своей жизни [Римский, 2016: 132–133].

Проведённое в 2019 году исследование эти выводы подтвердило и уточнило. Как было описано выше, российские граждане собственными социальными действиями и даже участием в действиях гражданских объединений оказываются не в состоянии обеспечить справедливость в большинстве своих жизненных ситуаций, в большинстве общественно значимых ситуаций и конфликтов.

В такой социальной реальности участники исследования высказывали ожидания справедливости от государства, потому что никакому другому субъекту или субъектам они не доверяли установление и поддержание справедливости. При этом все участники исследования соглашались с тем, что уровень справедливости в их взаимоотношениях с органами власти, с государством, является низким. А сами органы власти не направляют свою деятельность на решения проблем граждан и соответственно, на их справедливые решения. Такое сложившееся в нашем обществе и государстве положение участники исследования объясняли неудовлетворительным для них уровнем взаимодействий органов власти с ними, с российскими гражданами. И потому все участники исследования соглашались с тем, что ощущают отсутствие справедливости в обществе и государстве, и что установить её может только Президент РФ. Но при этом, как Президент РФ мог бы установить справедливость в нашей стране никто из участников исследования сформулировать не смог.

Правда, в анкетном опросе респонденты в качестве субъектов, способных обеспечивать справедливость, примерно также часто, как Президента РФ, называли законодателей, депутатов (по 39 % респондентов). Но этот опрос был поисковым и не может считаться репрезентативным. С другой стороны, участники исследования чаще оценивали нормы российских законов как несправедливые, чем как справедливые, а про депутатов как субъектов обеспечения справедливости на фокус-группах и в личных полуформализованных интервью вообще не упоминали. Поэтому, скорее всего, репрезентативный анкетный опрос граждан дал бы более низкий уровень ожиданий справедливости от законодательной власти, от депутатов разных уровней.

В проведённом анкетном опросе примерно 38 % респондентов ожидали обеспечения справедливости от граждан страны. Но как было описано выше, на фокус-группах и в личных полуформализованных интервью участники исследования признавались в своей неспособности обеспечить справедливость во взаимодействиях с органами власти или по результатам действий тех или иных гражданских организаций.

А других возможностей обеспечения справедливости у российских граждан фактически не существует. Другим субъектам обеспечение справедливости респонденты анкетного опроса доверяли ещё реже: исполнительной власти – 29 %, прокуратуре – 26 %, судам – 23 %, правозащитникам – 19 %, полиции – 16 %, негосударственным организациям, известным людям и другим субъектам – на уровне 2–3 %. Это очень низкие уровни ответов респондентов, хотя они могли одновременно указывать до 5 субъектов обеспечения справедливости в нашей стране. Ведь обеспечение справедливости предполагает согласие общества с её принципами и критериями, а также доверие субъектам, предлагающим те или иные справедливые решения ситуаций и конфликтов. Вывод о низком уровне выбора респондентами субъектов обеспечения справедливости подтверждается тем, что для каждого предложенного им такого субъекта, включая и Президента РФ, доля выборов этого субъекта была ниже доли отказов от его выбора.

Как было показано выше, известным людям, знаменитостям, имеющим авторитет, респонденты анкетного опроса доверяли обеспечение справедливости на очень низком уровне, на уровне ошибки выборки. На фокус-группах и в личных полуструктурированных интервью о таких членах общества в качестве субъектов обеспечения справедливости никто из участников исследования вообще не упоминал. Эта проблема в силу ограниченности ресурсов в проведённом исследовании не обсуждалась, но по косвенным свидетельствам его участников можно высказать гипотезу о том, что российская элита оказалась неспособной осознать глубину и значимость проблемы справедливости в нашей стране. А потому российская элита оказалась неспособной предложить гражданам принципы и критерии справедливости, не обобщённые, универсальные, которые транслируют СМИ и социальные сети Интернета, а применимые в реальных жизненных ситуациях и конфликтах. Ведь как было показано выше в таких ситуациях и конфликтах универсальные принципы справедливости гражданам сложно, если вообще возможно применять. Поэтому они оценивают позиции российской элиты по справедливости как не помогающие им и всему обществу обеспечить справедливость в нашей стране. Вопрос о возможных субъектах обеспечения справедливости в российском обществе и государстве было бы желательно глубже изучить в последующих исследованиях.

Некоторые выводы

Проведённое социологическое исследование подтвердило актуальность, научную и практическую значимость изучения принципов и критериев справедливости, которые российские граждане используют в своих реальных социальных практиках. Результаты проведённого исследования показали адекватность и эффективность выбранной для него методологии, основанной на теории справедливости Болтански и Тевено, а также на теоретической концепции Тевено о режимах вовлечённости в оправдания справедливости.

Проведённое исследование показало, что российские граждане применяют в своих социальных практиках принципы и критерии всех миров справедливости Болтански и Тевено. А также, что российские граждане стараются обеспечивать справедливость в разных режимах вовлечённости Тевено. Но российским гражданам оказался понятнее и ближе всего патриархальный мир, и по их суждениям на фокус-группах и в личных полужформализованных интервью для чиновников этот мир тоже понятнее и ближе. Поэтому в большинстве жизненных ситуаций от органов власти и от своих социальных окружений российские граждане получают предложения использовать принципы и критерии именно патриархального мира для обеспечения справедливости – ориентацию на заслуги перед государством, соблюдение традиций, доверие действиям индивидов и организаций по причинам их включённости в государственные социальные иерархии и т.п.

Ни у органов российской власти, ни у самих граждан нет мотиваций и необходимых умений обеспечивать справедливость в гражданском мире, в мире рынка, в мире науки и техники. Правда, граждане более чем российские чиновники склонны к использованию принципов и критериев справедливости гражданского мира, в первую очередь, соблюдения универсальных норм законов, прав и свобод граждан. Но судя по суждениям участников исследования, российские чиновники эти и другие принципы и критерии справедливости гражданского мира применяют крайне редко, гражданам не следует надеяться на систематическое их применение чиновниками. Однако, как показало исследование, сами граждане неспособны эффективно применять принципы и критерии гражданского мира для обеспечения справедливости, в первую очередь, в силу низкого уровня социальной солидарности в нашей стране, недоверия граждан негосударственным организациям и коллективным гражданским действиям по защите своих прав и свобод.

Непонимание и неумение обеспечивать справедливость по принципам и критериям мира рынка и мира науки и техники среди российских граждан и чиновников приводит к существенным негативным явлениям в современной России. К таким негативным явлениям можно отнести повсеместные низкие уровни мотиваций: обеспечения честной конкуренции в рыночных условиях развития экономики; внедрения и использования современных технологий, сопровождающихся разрывами с традицией ради повышения эффективности и производительности той или иной деятельности; внедрения инноваций в производственные и управленческие процессы; систематического использования в системах государственного и корпоративного управления научно обоснованного прогнозирования развития с целью обеспечения прогресса в будущем и т.п.

Эти негативные социальные явления можно оценить как существенные препятствия модернизации России. А признаки значимости этих препятствий были обнаружены в ходе проведения социологического исследования использования

принципов и критериев справедливости в повседневных социальных практиках российских граждан.

Библиографический список

Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов / Люк Болтански, Лоран Тевено; пер. с фр. О. В. Ковенева; науч. ред. перевода Н. Е. Копосов. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. 576 с.

Гладарев Б. С. Градозащитные движения Петербурга накануне зимней революции 2011–2012 г.: анализ из перспективы французской прагматической социологии [Электронный ресурс] // URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2012/110/2012_110_03_Gladarev.pdf (дата обращения: 01.06.2020).

Ковенева О. В. Французская прагматическая социология: от модели «градов» к теории «множественных режимов вовлечённости» // Социологический журнал. 2008. № 1. С. 5–21.

Копосов Н. Е. Грамматика демократии: «Социология градов» Люка Болтански и Лорана Тевено // Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов / Люк Болтански, Лоран Тевено; пер. с фр. О. В. Ковенева; науч. ред. перевода Н. Е. Копосов. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 5–15.

Наумова Е. Социология «градов» Л. Болтански и Л. Тевено и «режимы вовлеченности» в капитализм [Электронный ресурс] // Социологическое обозрение: [веб-сайт]. URL: https://sociologica.hse.ru/data/2014/12/29/1103796350/1SocOboz_13_3_12_Naumova.pdf (дата обращения: 14.06.2020).

Римский В. Л. Мечты о справедливости и представления о возможностях их реализации в современной России // Образы будущего России: желаемое – возможное – необходимое: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, г. Москва, 8–9 июня 2016 г. Под общ. ред. А. Б. Ананченко; Московский педагогический государственный университет. Институт истории и политики. – М., МПГУ. 2016. С. 129–137.

Римский В. Л. Режимы вовлечённости российских граждан в обоснования справедливости // Традиционные и новые социальные конфликты в XXI веке: XIV Международная научная конференция «Сорокинские чтения – 2020»: Сборник материалов. – М.: МАКС Пресс. 2020. С.156–175.

Тевено Л. Креативные конфигурации в гуманитарных науках и фигурации социальной общности // Новое литературное обозрение. 2006. № 77. С. 285–313.

Thévenot L. L'Action au pluriel: Sociologie des régimes d'engagement. Paris, Éditions La Découverte, 2006.